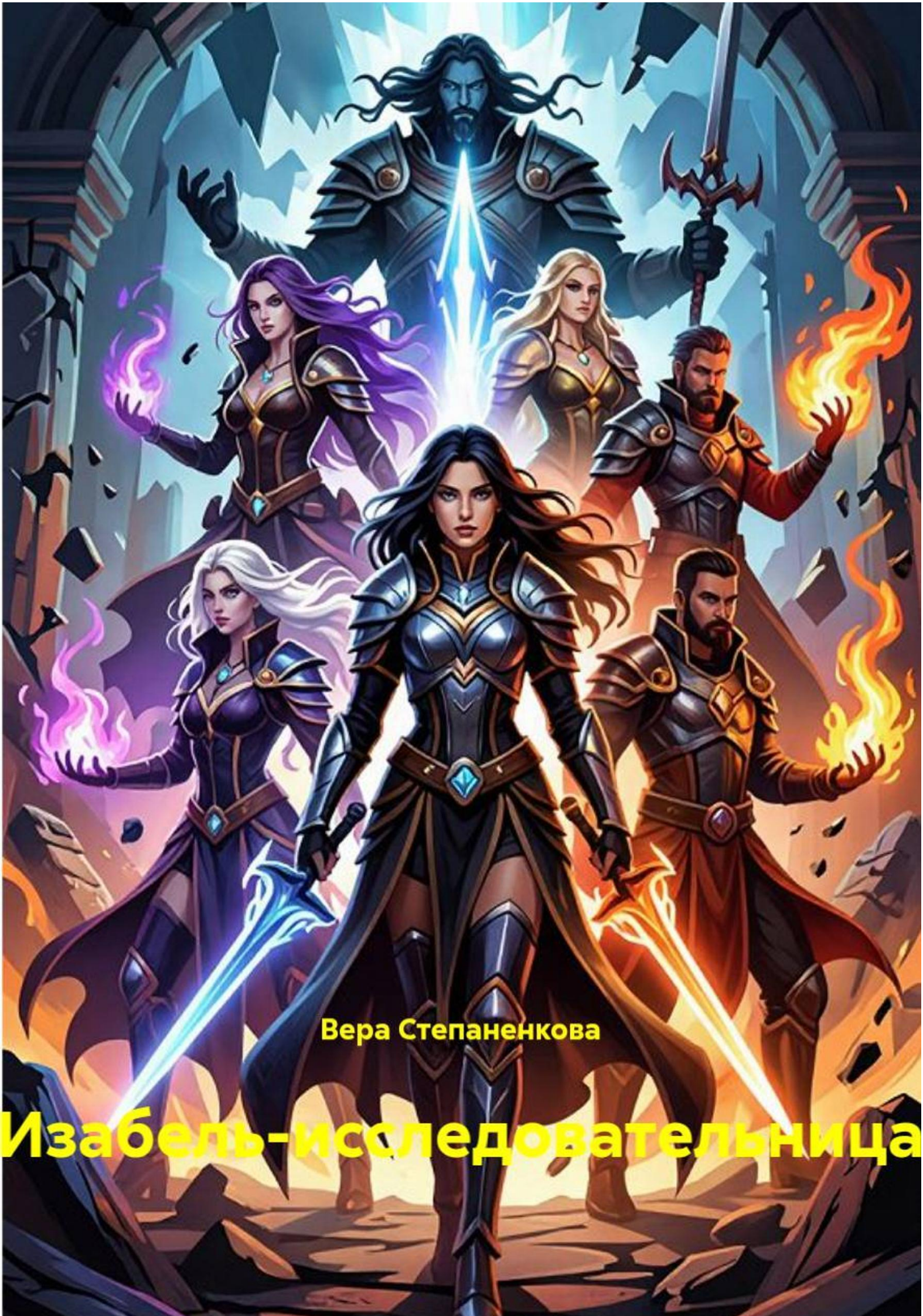
Вера Степаненкова
Изабель-исследовательница

Вера Степаненкова

Изабель-исследовательница

«Автор»
2026

Степаненкова В. А.

Изабель-исследовательница / В. А. Степаненкова — «Автор», 2026

Это масштабное эпическое фэнтези о поиске себя и объединении разрозненного мира. Юная Изабэла, найденная в руинах воспитанная генералом Вогастом, внезапно оказывается в центре древнего пророчества. Ей предстоит собрать пятерых «стражей» из разных рас — ведьму Веру, некроманта Сириуса, генерала Ульфрика, дварфийку-кузнеца Ванессу и древнего ледяного дракона Леона, — чтобы остановить Тёмный альянс. В ходе опасного путешествия через четыре разделенных государства героиня не только учится владеть магией света, но и раскрывает тайну своего происхождения: она носитель драконьей крови, способная исцелять и связывать миры.Книга сочетает динамичные сражения, политические интриги и глубокую драму. Главная тема романа — преодоление одиночества и принятие своей природы: каждый из героев (от одержимого местью Рэя до уставшего от вечности Леона) ищет способ справиться с болью прошлого. Финал оставляет интригу: одержав победу над первым врагом, команда пробуждает древнюю тёмную силу.

© Степаненкова В. А., 2026
© Автор, 2026

Вера Степаненкова
Изабель-исследовательница

Эпилог

Есть поверье, что когда-то существовал материк под названием Draco Terram, или же "Драконья земля", поскольку издревле здесь правили драконы. Изначально было 4 правящих дракона: Благояр, дракон правосудия, следящий за порядком; Даржа, отвечающая за развитие; Арматус, отвечающий за оружие и оборону; а также Деймонес, мудрейший из всех. И тогда всё было хорошо, все народы жили в мире и работали сообща.

Но всё изменилось, когда один из младших драконов захотел власти. Его звали Атан, он поднял бунт среди драконов, в последствии которого фактически уничтожил всех драконов, в том числе трёх правящих. Это также повлияло и на все другие народы. По всему материку начали подниматься волны негодования и волнения.

Деймонес, единственный, кто выжил из правящих, увидев, что не справиться с управлением стольких территорий, решил разделить её, выбрав четверых представителей разных рас. Люцифер Рофокал – демон, которого выбрали управлять югом, куда в итоге пойдут жить большинство мифических существ. Лагами Клайт – некромант, которой даровали север, где, как говорят, находятся врата в загробный мир и живёт нежить. Форд Хард – гном, ему достался запад, туда ушли не только гномы, но и другие мифические существа, которые не захотели жить под управлением демона. А восток достался Лилии Агне – человек.

Там, в горах, решил обосноваться и сам Деймонес, поскольку люди уязвимей других рас. Поселение, которое чуть ниже основали те, кто хотел служить Просвещённому, назвали Уинтермур. Там также проходили собрания глав с Деймонесом по решению дипломатических вопросов, ведь его главным условием было то, что никто из них и их потомков не может претендовать на территорию другого. А кто посмеет нарушить это правило, лишится всего и будет изгнан.

Глава 1 дитя

С тех времён материк разделился на четыре государства: Уэллстон — север, Ормур — юг, Фогхилл — запад, Дракхолл — восток, как и договаривались. Все держали нейтралитет в отношении к чужим землям, так и пролетели годы.Минуло 500 лет, вот и настал день основания. Daemones решил созвать совет правителей в Уинтермур.Ради этого события прибыли не только правители с их свитой, но и горожане с других государств. Ведь в честь такого события было решено провести фестиваль впервые со дня основания.И пока все отмечали это событие, начался совет. Первым заговорил Люциф Рофокал:«Скажите, уважаемый просвещённый, по какому поводу нас всех здесь собрали?» Daemones ответил:«Я отвечу тебе, Люциф, мой старый друг.Сегодня мы здесь собрались, поскольку я хотел показать вам её». Дракон поднял своё крыло, а там стояла люлька, в которой лежал младенец. Последовало недолгое молчание, которое прервал Джейден Агне:«Позвольте узнать, что это за дитя?»А Моргрон Хард добавил:«И чем оно так важно, что нам пришлось созывать совет?!» Daemones:«Я понимаю ваше негодование, дамы и господа, и постараюсь объяснить, насколько могу. Недавно я нашёл это дитя в руинахстарого города. Не знаю, кто её родители, она была одна.А когда подошёл, мнебыло видение: мир подвергнется хаосу и разрушению.Это дитя тоже было там, новзрослое.Пока не могу понять, будет ли она причиной этого хаоса или той, что его остановит.В любом случае, пока мы не разберёмся, что это значит, это дитя…» Посмотрев на спящего ребёнка, он сказал:«Должно остаться под присмотром кого-то из нас или того, кому можно доверять. Поскольку всё, что было сказано в этом зале, должно остаться в тайне,чтобы не вызвать волнения среди горожан». Закончив говорить, он посмотрел на правителей, ожидая, что онискажут или предложат. Все были шокированы услышанным и думали о своём. Решила высказаться Сесилия

Клайт, которая до этого хранила молчание,наблюдая со стороны:«Судя по всему, дитя — человек, поэтому ей лучше остатьсяздесь, в Уинтермуре. А следить за ней может Вогаст.Хоть он бывший генерал,но на него можно положиться. Тем более, насколько помню, он ушёл именноиз-за того, что потерял своё дитя. Возможно, это дитя сможет вернуть ему былую мощь». Только она закончила, в разговор вступилДжейден:«Вижу, вы хорошо осведомлены о том, что творится у нас в королевстве, Сесилия».

Он смотрел на неё с вызовом и вопросом, хотя и сам знал на него ответ. Всё также спокойно смотря на него, она произнесла:«Знаю, ведь правитель должен знать всё, что происходит вокруг него, чтобы контролировать ситуацию и в нужный момент среагировать». Начинался…Начинался конфликт, но его прервал Daemones:"Достаточно!Что вы здесь устроили?Сейчас есть дела поважнее, чем ваша..."

Сесилия:"Мне нравится твоё предложение, так и поступим.Отправьте к немугонца."

Так я, Изабэла, и попала к своему мастеру и приёмному отцу Вогасту.

Глава 2. Посланница

Прошло шестнадцать лет.

Изабэла стояла на краю утёса, вглядываясь в серую дымку над Уинтермуром. Ветер трепал её тёмные волосы, а в руке она сжимала деревянный меч — тот самый, что Вогаст вырезал для неё, когда ей было семь. За шестнадцать лет она так и не научилась любить этот клинок, но привыкла к нему, как привыкают к старой мозоли.

— Ты снова не слушаешь, — раздался за спиной низкий голос.

Она обернулась. Вогаст стоял в нескольких шагах, скрестив руки на груди. Бывший генерал сохранил военную выправку, но седина давно тронула его виски, а на левой ноге появилась хромота — старая рана, о которой он никогда не говорил. Он редко улыбался. Изабэла не помнила, улыбался ли он вообще.

— Я слушаю, мастер, — соврала она.

— Тогда повтори, что я сказал о стойке.

Она промолчала. Вогаст вздохнул и подошёл ближе, хромая чуть сильнее обычного — к непогоде.

— Ты стала рассеянной. Это началось три луны назад. Что тебе снится?

Изабэла опустила взгляд. Сны приходили каждую ночь: горящий город, крики, и она — взрослая — стоит посреди руин, а над ней нависает тень с крыльями. Иногда тень говорила. Голос был мужской, мягкий и страшный одновременно. Она не понимала слов, но просыпалась с холодным потом на лбу и странным чувством, будто что-то упустила.

— Ничего, — ответила она. — Просто сны.

Вогаст долго смотрел на неё. За шестнадцать лет он научился читать её лицо лучше, чем любой отец. Но он также знал: есть вещи, о которых она ещё не готова говорить. А может, он просто боялся услышать ответ.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Тогда закончишь тренировку сама. А вечером надень лучшее платье. К нам гость.

— Гость? Кто?

— Посланница от Просвещённого.

Сердце Изабэлы пропустило удар. За все шестнадцать лет Daemones ни разу не присылал к ним никого. Он знал о ней — Вогаст рассказывал, — но держался в стороне. Теперь что-то изменилось.

Гостья прибыла с последними лучами солнца.

Изабэла наблюдала за ней из окна своей комнаты, пока Вогаст встречал гостью у ворот. Женщина. Молодая — на вид чуть старше самой Изабэлы. Золотистые волосы, заплетённые в тяжёлую косу до самого пояса, ловили свет заката. Она шла легко, но настороженно, как ходят те, кто привык, что за каждым углом может ждать беда.

Изабэла спустилась в главный зал.

Гостья стояла у камина, разглядывая старые трофеи Вогаста — ржавый шлем, сломанный клинок, выцветшее знамя. Услышав шаги, она обернулась, и Изабэла увидела серо-зелёные глаза, внимательные и цепкие. Веснушки рассыпались по её носу, как забытые кем-то крошки хлеба.

— Изабэла, — произнесла гостья. Не вопрос — утверждение.

— А вы?

— Вера. — Она не протянула руку. — Я пришла от Просвещённого.

Вогаст вошёл следом, закрыв за собой дверь. Он кивнул Изабэле — мол, слушай.

— Он наконец решил обо мне вспомнить? — спросила Изабэла, и в голосе прозвучало больше горечи, чем она хотела.

Вера не отвела взгляда.

— Он всегда о тебе помнил. Каждый год, каждую луну. Просто не мог рисковать, пока ты не подрастёшь.

— Рисковать чем?

Вера помолчала. Потом достала из-за пазухи свёрток — небольшой, обтянутый тёмной кожей. Развернула. Внутри лежал осколок камня, исписанный тонкими, едва заметными символами. Изабэла не знала языка, но почему-то вздрогнула, как от сквозняка.

— Это часть пророчества, — сказала Вера. — Того самого, что Просвещённый увидел шестнадцать лет назад. Тогда он прочёл лишь начало. Но три луны назад камень треснул, и открылось продолжение.

— И что там сказано? — хрипло спросил Вогаст.

Вера перевела взгляд на него.

— «Дитя руин пробудит пять ключей. Пять земель дадут ей пять стражей. И тогда тень, что падёт с небес, будет либо остановлена, либо станет последней».

Тишина в зале стала такой густой, что её можно было резать ножом.

— Пять ключей, — медленно повторила Изабэла. — Что это значит?

— Мы не знаем, — честно ответила Вера. — Просвещённый предполагает, что ключи — это союзники. Те, кто пойдёт за тобой. Стражи.

— Пойдут куда?

Вера снова помолчала. Изабэла заметила, как она нервно перебирает край рукава — маленький, почти незаметный жест, выдающий напряжение.

— Тьма растёт, Изабэла. На юге, в Ормуре, кто-то собирает силы. Не Люциф — он верен договору. Но под боком у него зреет нечто иное. Тёмный альянс. Просвещённый чувствует его, но не может увидеть лица. И он уверен: тот, кто стоит за этим, ищет тебя.

— Меня? — Изабэла усмехнулась. — Я шестнадцать лет прожила в глуши, ни разу не покинув Уинтермур. Кому я могла понадобиться?

— Тому, кто знает о пророчестве, — ответила Вера. — И кто хочет использовать тебя в своих целях.

Вогаст шагнул вперёд.

— Достаточно. Девочка не готова.

— Она не девочка, генерал, — тихо сказала Вера, и в её голосе впервые прозвучало что-то твёрдое. — Ей шестнадцать. Пора.

— Пора для чего? — Изабэла встала между ними.

Вера посмотрела ей прямо в глаза.

— Пора уходить. Просвещённый приказал мне проводить тебя. Я останусь с тобой, пока ты не соберёшь всех стражей.

Вогаст побледнел.

— Нет. Я не отпущу её с ведьмой, которую впервые вижу.

— Ты не имеешь права решать, — холодно произнесла Вера.

— Я её отец!

— Ты её опекун, — поправила Вера, и в её голосе не было жестокости — только усталая правда. — И ты сам знаешь, что она не может остаться. Если тёмный альянс найдёт её здесь, Уинтермур падёт. Ты этого хочешь?

Вогаст открыл рот, но не нашёл слов.

Изабэла смотрела на них обоих и чувствовала, как внутри всё сжимается. Она всегда знала, что этот день придёт. Что она не такая, как другие. Но одно дело — знать. Другое — слышать, как твой дом рушится в одночасье.

— Когда? — спросила она.

Вера моргнула, будто ждала спора.

— Завтра на рассвете.

— Хорошо.

— Изабэла! — Вогаст схватил её за плечо. — Ты не понимаешь, о чём говоришь. Мир за пределами Уинтермура жесток. Там нет места для...

— Для кого? — Она обернулась к нему, и в её глазах вспыхнуло что-то — не гнев, а обида. — Для меня? Я шестнадцать лет училась сражаться деревянным мечом с бывшим генералом. Я знаю, что такое жестокость.

— Это не одно и то же...

— Я знаю. — Она сбросила его руку, но мягко. — Мастер. Я знаю.

Вогаст долго смотрел на неё. Потом опустил голову и медленно, тяжело, как старик, опустился на скамью у камина.

— Тогда хотя бы поешь перед дорогой, — пробормотал он.

Это было его поражение.

Позже, когда Вера ушла в отведённую ей комнату, Изабэла сидела на полу у камина, глядя на огонь. Вогаст устроился рядом, в кресле, и молчал. Так они просидели, наверное, целый час.

— Я не смогу пойти с тобой, — наконец сказал он.

— Знаю.

— Daemones запретил. Сказал, что я должен остаться — держать Уинтермур. Если я уйду, город останется без защиты. — Он горько усмехнулся. — Забавно. Всю жизнь я защищал других. А теперь не могу защитить единственного, кто мне дорог.

Изабэла подняла голову.

— Ты защищал меня шестнадцать лет. Этого достаточно.

Вогаст посмотрел на неё, и на секунду его суровое лицо смягчилось.

— Ты похожа на неё, — тихо сказал он.

— На кого?

— На свою мать. Не знаю, кем она была. Но в тебе есть что-то... — Он махнул рукой. — Неважно.

Изабэла хотела спросить больше, но что-то в его голосе сказало: не сейчас. Она встала, подошла и поцеловала его в щёку.

— Я вернусь, — сказала она.

— Не обещай того, чего не знаешь, — ответил он. И это было единственное, что он мог сказать.

На рассвете они вышли за ворота — Изабэла с небольшим мешком за плечами и тем самым деревянным мечом, который она так и не выбросила. Вера шла чуть впереди, уверенно, будто знала дорогу наизусть.

— Куда сначала? — спросила Изабэла.

Вера обернулась.

— На север. В Уэллстон. Там живёт первый страж — но мы не знаем, кто он. Камень говорит только: «Тот, кто потерял всё и не нашёл себя». — Она поморщилась. — Пророчества, как всегда, бесполезно туманны.

— А если мы его не найдём?

— Тогда найдём кого-нибудь другого. — Вера пожала плечами. — Я ведьма, а не картограф судьбы. Но Просвещённый верит в тебя. И... — Она замялась.

— Что?

— Я тоже, — сказала Вера и тут же отвернулась, будто смутившись собственных слов.

Изабэла улыбнулась. Впервые за долгое время.

Глава 3. Две дороги

Первый день пути прошёл в молчании.

Вера шла впереди, уверенно ступая по каменистой тропе, что вела на север. Изабэла плелась следом, то и дело поправляя лямку мешка, который натёрла себе плечо ещё до полудня. Она не жаловалась. Вогаст учил её, что жаловаться — удел слабых. Но к вечеру, когда они остановились на ночлег у небольшого ручья, она всё же не выдержала и сбросила мешок с тихим стоном.

Вера, уже разводившая костёр, подняла голову.

— Плечо?

— Всё в порядке.

— Дай посмотрю.

— Я сказала, всё в порядке.

Вера не стала спорить. Она просто вернулась к костру и продолжила что-то бормотать себе под нос — тихо, ритмично. Изабэла сначала решила, что та разговаривает сама с собой, но потом заметила, как пламя под её пальцами стало ровнее, жарче, будто ведьма уговаривала его гореть лучше. И оно слушалось.

Изабэла села поодаль, обняв колени. Смотрела, как Вера работает.

— Ты всегда так делаешь? — спросила она наконец.

— Как?

— Ну... говоришь с огнём.

Вера пожала плечами.

— Огонь — живой. Как и всё остальное. Если с ним не разговаривать, он может обидеться.

— Обидеться? — Изабэла фыркнула. — Огонь?

— Ты смеёшься, — сказала Вера без обиды. — Но ты бы удивилась, сколько всего вокруг имеет чувства. Деревья. Ветер. Камни. Просто мы, люди, разучились слушать.

Изабэла задумалась. За шестнадцать лет в Уинтермуре она привыкла к другому: к деревянному мечу, к утренним тренировкам, к тишине. К миру, где всё было простым и осязаемым. Вера говорила о вещах, которых Изабэла не понимала.

— А ты... — Изабэла замялась. — Ты правда ведьма?

— Правда.

— И много вас?

— Немного. — Вера наконец села напротив неё, скрестив ноги. — Нас не любят. Боятся. Особенно в Уэллстоне, куда мы идём.

— Почему?

— Потому что там некроманты, — ответила Вера просто. — А ведьмы и некроманты... не друзья. Слишком близко стоим к смерти. Одни боятся её, другие используют. Но и тех, и других люди сторонятся.

Изабэла помолчала.

— А ты? Ты боишься смерти?

Вера посмотрела на неё долгим взглядом. В свете костра её серо-зелёные глаза казались почти прозрачными.

— Нет, — сказала она. — Я боюсь не смерти. Я боюсь... — Она запнулась. — Неважно.

— Нет, скажи.

— Почему ты так хочешь знать?

— Потому что мы теперь вместе, — ответила Изабэла. — И я хочу понимать, кто идёт рядом со мной.

Вера отвела взгляд. Долго молчала. Потом сказала, тихо:

— Я боюсь доверять. Людям. Мужчинам особенно. В моей жизни было мало хорошего, и почти всё хорошее заканчивалось плохо. Поэтому я привыкла полагаться только на себя. — Она усмехнулась. — Ведьма, которая не верит никому. Смешно, правда?

Изабэла не улыбнулась.

— Не смешно.

Вера посмотрела на неё — удивлённо, будто ждала насмешки.

— Ты странная, — сказала она наконец.

— Почему?

— Потому что не смеёшься. Все смеются.

— Я не все.

Вера долго смотрела на неё. Потом кивнула, будто решив что-то для себя.

— Ладно, — сказала она. — Тогда давай посмотрим твоё плечо.

На этот раз Изабэла не спорила.

Она сняла рубаху и повернулась спиной. Вера тихо присвистнула.

— Ты натёрла до крови. И молчала весь день?

— Вогаст говорил, что жаловаться — удел слабых.

— Вогаст — идиот, — сказала Вера беззлобно. — Слабость — это не когда жалуешься. Слабость — это когда молчишь, пока не свалишься.

Она положила ладони на плечо Изабэлы. Пальцы у неё были тёплые — теплее, чем должны быть. Изабэла почувствовала, как по коже разливается приятное покалывание, будто сотни крошечных иголочек, и боль уходит — медленно, неохотно, но уходит.

— Ты лечишь, — прошептала Изабэла.

— Одно из немногого, что я умею хорошо.

— А что ещё?

Вера фыркнула.

— Стихии. Немного целительства. Немного проклятий. — Она убрала руки. — Готово. Завтра будешь как новенькая.

Изабэла натянула рубаху и обернулась.

— Спасибо.

— Не за что.

— Нет, — Изабэла покачала головой. — Правда. Спасибо. За всё. За то, что пришла. За то, что не бросила меня там.

Вера смутилась. Это было заметно — она отвернулась и стала возиться с костром, будто внезапно нашла там что-то важное.

— Я не «не бросила», — пробормотала она. — У меня был приказ.

— Приказ — это не всё. — Изабэла улыбнулась. — Ты могла бы отвести меня к Daemones и уйти. Но ты осталась.

Вера ничего не ответила. Но её уши порозовели.

Утром второго дня пошёл дождь.

Не сильный, но упрямый, мелкий — тот, что проникает под одежду и остаётся там на целый день. Изабэла натянула капюшон и шла молча, глядя под ноги, чтобы не поскользнуться

на мокрых камнях. Вера шла рядом, и они больше не разделялись — после вчерашнего разговора что-то между ними сдвинулось.

— Расскажи мне о Вогасте, — попросила Вера.

— Почему?

— Потому что ты о нём не говоришь. А я видела, как ты смотрела на него, когда мы уходили. — Вера покосилась на неё. — Он не просто твой опекун.

Изабэла помолчала. Дождь стучал по капюшону.

— Он вырастил меня. Научил всему, что я умею. Но... — Она вздохнула. — Он никогда не говорил о моём прошлом. О том, где он меня нашёл. Кто были мои родители. Когда я спрашивала, он отмалчивался или менял тему. Говорил, что это неважно.

— А ты думаешь, это важно?

— Я не знаю. — Изабэла подняла голову, и капли скатились с капюшона ей на лицо. — Иногда мне кажется, что я — это не я. Что внутри меня есть что-то... чужое. Что-то, чего я не понимаю. И Вогаст знает об этом, но молчит.

Вера остановилась.

— Изабэла.

Та обернулась.

Вера смотрела на неё серьёзно.

— Ты не чужáя. Что бы ни было в твоём прошлом, ты — это ты. Здесь и сейчас. И если Вогаст молчит, значит, у него есть причина. Может, он боится. Может, он тебя защищает. Но это не делает тебя... — она поискала слово, —...неправильной.

Изабэла слабо улыбнулась.

— Ты говоришь как человек, который знает, каково это — чувствовать себя неправильной.

— Потому что знаю. — Вера снова пошла вперёд. — Я ведьма. Меня с детства называли странной. Дети бросали в меня камни. Взрослые крестились, когда я проходила мимо. Однажды меня хотели сжечь.

Изабэла вздрогнула.

— Кто?

— Неважно. — Вера не оборачивалась. — Важно то, что я выжила. И ты выживешь. Мы обе.

Они шли ещё несколько минут в тишине. А потом Изабэла сказала:

— Знаешь... я рада, что это ты.

— Что — я?

— Что ты пришла. Что именно ты. — Изабэла догнала её и пошла рядом. — Мне кажется, мы поладим.

Вера фыркнула.

— Посмотрим. Ты меня ещё плохо знаешь. Я бываю невыносимой.

— Я тоже, — улыбнулась Изабэла. — Так что мы квиты.

Вера не ответила. Но Изабэла готова была поклясться, что под капюшоном та улыбается.

К вечеру они вышли к деревне.

Небольшой — домов двадцать, не больше, с покосившимися крышами и забором, который давно просил починки. Но там был трактир, а после двух дней под дождём даже вонючий трактир казался раем.

— У нас мало монет, — напомнила Вера.

— Один ночлег. И горячая еда. Пожалуйста.

Вера вздохнула.

— Ладно. Один.

Трактир назывался «Пьяный гусь» — название, которое говорило само за себя. Внутри было дымно, шумно и пахло жареным мясом и кислым элем. Изабэла никогда не была в таком месте. Вогаст не пускал её дальше рыночной площади.

Они сели в углу, подальше от шумной компании у стойки. Вера заказала похлёбку и две кружки чего-то, что называлось «эль», но на вкус больше напоминало разбавленный уксус. Изабэла поморщилась.

— Это пьют? — прошептала она.

— Привыкнешь, — ответила Вера, отпивая из своей кружки с непроницаемым лицом.

Они ели молча. Изабэла разглядывала посетителей: извозчиков, пару солдат, старика в углу, который спал, уронив голову на стол. Ничего примечательного. Ничего опасного.

А потом дверь открылась, и вошли трое.

Изабэла почувствовала это раньше, чем поняла. Что-то в воздухе изменилось — стало тяжелее, что ли. Вера напряглась рядом, её рука медленно потянулась к поясу, где висел небольшой кинжал.

Трое мужчин прошли к стойке. Один из них — здоровый, с копной рыжих волос и шрамом через всё лицо — хлопнул ладонью по стойке так, что кружки подпрыгнули.

— Эля! И быстро!

Трактирщик засуетился. Мужчины уселись за стол неподалёку от Изабэлы и Веры. Тот, со шрамом, оглядел зал и остановил взгляд на них.

— Гляньте-ка, — сказал он, толкнув локтем соседа. — Ведьма.

Изабэла похолодела. Вера не пошевелилась.

— И девчонка при ней. — Шрам ухмыльнулся. — Эй, ведьма! А почём твои услуги? Может, проклянёшь кого за пару монет?

Вера медленно подняла голову.

— Не сегодня, — сказала она ровно.

— А что так? Занята?

— Занята.

Шрам хохотнул. Его приятели переглянулись.

— Слышь, — сказал второй, тощий, с крысиным лицом. — А может, тогда девчонку продашь? Мы хорошо заплатим.

Изабэла стиснула кружку так, что та затрещала. Вера положила ладонь ей на руку — не сильно, но твёрдо.

— Уходите, — сказала Вера.

— А то что? — Шрам встал. Он был высоким, гораздо выше Веры. — Проклянёшь меня? Давай. Посмотрим, что твоё колдовство стоит против хорошего кулака.

Вера не двинулась с места.

— Я не буду тратить силы на пьяного дурака. Иди проспись.

Шрам побагровел. Он шагнул вперёд, и его рука потянулась к вороту Веры.

И тут Изабэла встала.

— Не трогай её.

Шрам обернулся. Уставился на неё, как на диковину.

— Чего?

— Я сказала, не трогай её. — Голос Изабэлы дрожал, но она не отступала. — Иди своей дорогой.

Шрам расхохотался.

— Смотрите-ка! Девчонка защищает ведьму! — Он отпустил Веру и повернулся к Изабэле. — А ты у нас кто? Героиня?

— Она — никто, — быстро сказала Вера. — Оставьте её.

— Нет уж, — Шрам шагнул к Изабэле. — Девчонка будет вежливее. Или я её проучу.

Он схватил Изабэлу за плечо.

И тогда случилось то, чего никто не ожидал.

Свет.

Он вспыхнул из ладоней Изабэлы — яркий, белый, почти ослепляющий. Шрам отшатнулся с криком, закрывая лицо руками. Свет ударил в него, как волна, и отбросил назад, на приятелей. Все трое повалились на пол, ругаясь и вопя.

Свет исчез так же быстро, как появился.

Трактир затих.

Изабэла стояла, тяжело дыша, глядя на свои руки. Они дрожали. Кожа на ладонях слегка светилась — потом свечение погасло.

— Что... — прошептала она. — Что это было?

Вера медленно поднялась. В её глазах было что-то — не страх. Изумление.

— Свет, — выдохнула она. — Магия света.

Шрам и его приятели кое-как поднялись и, спотыкаясь, выбежали из трактира. Никто не пытался их остановить. Весь трактир смотрел на Изабэлу.

— Пойдём, — сказала Вера, хватая её за руку. — Быстро.

Они бросили монеты на стол и вышли в ночь, оставив за спиной шёпот и удивлённые взгляды.

Они шли почти до рассвета, пока не отошли от деревни на несколько миль. Наконец Вера остановилась у старого дуба, и они обе, обессиленные, опустились на землю.

— Такого раньше не было, — сказала Изабэла, обхватив себя руками. — Я ничего не делала. Я просто... оно само.

Вера смотрела на неё.

— Ты не знала, что владеешь магией света?

— Я вообще не знала, что владею магией! — Изабэла вскинула руки. — Вогаст никогда... он не говорил...

— Скорее всего, он не знал. — Вера помолчала. — Или надеялся, что это не проявится.

— Почему?

— Потому что магия света... — Вера замялась. — Она редкая. Очень. Ею владеют только те, у кого драконья кровь. Или... те, кто был рождён с особым даром.

Изабэла похолодела.

— Драконья кровь?

— Не обязательно. — Вера поспешно взяла её за руку. — Не обязательно, слышишь? Это просто одна из версий.

Но Изабэла уже думала. Пророчество. Камень. «Дитя руин». Тень с крыльями из её снов.

— Я не понимаю, — прошептала она. — Я не понимаю, кто я.

Вера придвинулась ближе. Обняла её за плечи — неловко, будто впервые в жизни делала такое.

— Мы разберёмся. Я обещаю.

Изабэла привалилась к ней. Запах от Веры был странный — травы, дым и что-то ещё, неуловимое, но успокаивающее.

— Спасибо, — прошептала Изабэла.

— За что?

— За то, что ты рядом.

Вера не ответила. Но её рука на плече Изабэлы стала чуть крепче.

Так они и уснули — под старым дубом, обнявшись, две девушки, у каждой из которых было слишком много тайн за спиной. А впереди их ждал Уэллстон.

Глава 4. Тот, кто потерял всё

Уэллстон встретил их холодом.

Не просто прохладой северного утра — а настоящим холодом, который пробирается под одежду, заползает в сапоги, оседает инеем на ресницах. Изабэла куталась в плащ, но ветер всё равно находил лазейки. Вера шла рядом, натянув капюшон до самых глаз, и молчала.

Дорога давно стала узкой, петляющей между голыми холмами. Трава здесь была серой, будто выцветшей, а деревья — скрюченными, с ветвями, похожими на пальцы скелета. Изабэла старалась не смотреть по сторонам. Но всё равно замечала: то там, то здесь на обочинах стояли камни с вырезанными символами. Некоторые были свежими. Некоторые — древними, поросшими мхом.

— Что это? — спросила она, кивнув на очередной камень.

— Могильники, — ответила Вера. — Здесь хоронят тех, кто не упокоился.

— Не упокоился?

— Нежить, Изабэла. Мы в Уэллстоне. Земля здесь... — Вера поморщилась, подыскивая слово, —...не держит мёртвых. Они возвращаются. Поэтому некроманты и селятся здесь — есть работа.

Изабэла поёжилась. Не от холода.

— А ты... ты можешь с ними говорить?

— С кем? С мёртвыми? — Вера покачала головой. — Я ведьма. Я работаю со стихиями, с живым. Смерть — это не моё. — Она помолчала. — И слава богам.

Они шли ещё несколько часов, прежде чем показался город.

Уэллстон — столица северного королевства — вырос из тумана внезапно, как призрак. Тёмные каменные стены, островерхие башни, окна, забранные тяжёлыми ставнями. Над воротами висел герб: череп, увитый терновником. Ветер трепал флаги, и они хлопали, как крылья огромных птиц.

У ворот стояла стража. Не люди. Изабэла поняла это сразу — слишком неподвижные, слишком бледные, с глазами, которые не отражали свет. Скелеты в доспехах. Они не дышали.

— Не смотри так, — прошептала Вера. — Они чувствуют страх.

— Они... живые?

— Нет. Но и не мёртвые в обычном смысле. — Вера вздохнула. — Это стражи Сесилии. Она привязывает их к воротам, чтобы никто не вошёл без её ведома.

— Мило.

— Practical. — Вера пожала плечами. — Не люблю некромантов. Но Сесилия хотя бы не сумасшедшая.

Стражники пропустили их без слов. Один из них — высокий скелет с проржавевшим нагрудником — повернул череп им вслед, и Изабэла ускорила шаг.

Город был... странным.

Не мёртвым — нет. Люди здесь жили, торговали, разговаривали. Дети играли на улицах. Но во всём чувствовалась какая-то тяжесть. Дома стояли плотно, окна смотрели узкими щелями, а над крышами вился дым — не весёлый, не уютный, а серый и горький. На каждом углу висели амулеты: пучки трав, кости, обереги от нежити. Изабэла заметила, что прохожие то и дело касаются их пальцами — машинально, как привычку.

— Ищем таверну, — сказала Вера. — Нам нужен ночлег и слухи.

— А как мы найдём стража? Пророчество говорит «тот, кто потерял всё и не нашёл себя». Это может быть кто угодно.

— Вот и спросим. — Вера свернула в переулок. — В тавернах всегда знают, кто в городе живёт.

Таверна называлась «Последний приют» — мрачноватое название, но внутри было тепло. Низкие потолки, тяжёлые балки, запах жареного мяса и травяного отвара. Народу было немного: несколько мрачных типов в углу, женщина с ребёнком у окна, старик, читающий книгу. И у дальней стены, в одиночестве, — парень.

Изабэла заметила его сразу. Может, потому что он был единственным, кто улыбался.

Он сидел, откинувшись на спинку стула, с кружкой в руке, и смотрел на зал с таким видом, будто находил всё вокруг бесконечно забавным. Рыжевато-светлые волосы торчали в разные стороны, будто он только что проснулся. Бледная кожа, зелёные глаза — яркие, живые. На вид ему было лет девятнадцать, не больше. Рядом с ним, прислонённый к стене, стоял длинный лук.

Вера проследила за взглядом Изабэл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.